

ПЯТЬ ПРИЧИН «ВЕЛИКОЙ ДОРОГОВЛИ»: ДЕНЕЖНЫЕ РЕФОРМЫ 1654–1663 гг. И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ РУССКОГО КУПЕЧЕСТВА

А.В. Ефимов

Аннотация. Статья посвящена представлениям современников о причинах резкой инфляции в Московском государстве в 1660–1662 гг. Принятое в историографии объяснение этого явления основано на количественной теории денег, которая не была известна русским людям XVII в. и даже в Западной Европе была в это время новой и далеко не общепринятой. Ответ современников на вопрос о причинах роста цен, данный на совещаниях в финансовых приказах в кризисный период, позволяет судить об их экономических воззрениях в целом. Московские купцы полагали, что цены растут из-за сокращения предложения и концентрации спроса на хлеб, монетизации налогов и жалований, недоверия к нововведенным медным деньгам, а также спекуляций с серебром. Эти представления сопоставлены с рассуждениями на ту же тему Юрия Крижанича, чья экономическая мысль следовала за крупнейшими западными интеллектуальными авторитетами — Фомой Аквинским и Николаем Оремом. Показано, что экономические знания и воззрения торговых людей находились на одном уровне с европейски образованным Крижаничем, вопреки расхожему мнению об отсталости русской экономической мысли середины–второй половины XVII в.

Ключевые слова: денежная реформа, медные деньги, инфляция, экономическая мысль, количественная теория денег, купечество, Юрий Крижанич.

THE FIVE REASONS OF “THE GREAT DEARNESS”: THE MONETARY REFORM OF 1654–1663 AND THE ECONOMIC VIEWS OF THE RUSSIAN MERCHANTRY

A.V. Efimov

Abstract. The article explores the contemporary explanations of the dramatic inflation in Muscovy in 1660–1662. The accepted explanation in historiography is based on the quantity theory of money that was not known to the 16th century Muscovites as well as far from mainstream in the West. By answering the question of the reason for the price increase, contemporaries expressed their wider economic beliefs. The Moscow merchants thought that the prices had been rising because of supply shortages of bread combined with demand increase, monetization of both taxes and wages, general distrust in the newly introduced copper money as well as silver profiteering. These ideas are compared to the ideas of Juraj Krizanic whose economic thinking followed the greatest Western intellectual authorities in the subject, Thomas Aquinas and Nicholas Oresme. It is concluded that the economic thought of the Russian merchants was, in practical terms, on the same footing as that of Krizanic and his Western sources. This is in contrast to the widely accepted opinion that the Russian economic thought of the time was backward.

Keywords: monetary reform, copper money, inflation, economic thought, quantity theory of money, merchants, Juraj Krizanic.

В октябре 1660 г. московских купцов всех категорий: гостей, торговых людей гостинной и суконной сотен, кадашевцев, чернослободцев – по царскому указу созвали на совещание. В Москве и в других городах чрезвычайно выросли цены на всё, в первую очередь на хлеб. В условиях тяжелой войны с Речью Посполитой за Украину это было особенно тревожно. Надо было найти способ предотвратить голод и взрыв недовольства, сохранив при этом платежеспособность казны.

Позднее, в январе-апреле 1662 г., руководители главных финансовых ведомств Московского государства – приказов Большой казны и Большого прихода – боярин Илья Данилович Милославский и окольный Родион Матвеевич Стрешнев проводили несколько аналогичных совещаний, встречаясь с отдельными категориями купцов порознь.

Материалы этих совещаний изданы еще в XIX в. [СГГД, 1826, с. 69–72; Зерцалов, 1890, с. 248–269]. Однако исследователи редко обращали на них внимание. Причины дороговизны представлялись ученым самоочевидными. В 1654 г., нуждаясь в деньгах на войну и не решаясь вводить новые чрезвычайные налоги (в предшествующие четыре десятилетия к этой разорительной мере прибегали слишком часто [Веселовский, 1908]), правительство царя Алексея Михайловича ввело медные деньги, рассчитывая финансировать военные расходы за счет дешевой денежной эмиссии. Безудержная эмиссия медных денег за шесть лет привела к росту денежной массы и, соответственно, к инфляции. А.Г. Брикнер и П.Н. Милюков откровенно недоумевали, почему участники совещания 1660 г. даже не упомянули об этом очевидном факте. Брикнер полагал, что истинная причина повышения цен была известна иностранцам, находившимся в это время в России (в частности, военному Патрику Гордону, врачу Самуэлю Коллинсу и послу Августину Мейербергу), а также подьячему Григорию Котошихину, но отчего-то ускользнула и от купцов, и от бояр, и от дьяков финансовых приказов [Брикнер, 1864, с. 44; Милюков, 1905, с. 58].

В 1660 г. курс меди к серебру стал стремительно падать [ПСЗРИ, 1830, с. 578–579; ААЭ, 1836, с. 192–193]. Как писал Котошихин, «в государстве серебряными денгами учала быть скудость, а на медные было все дорого, и многие помирали з голоду» [Котошихин, 2000, с. 128]. Из-за подорожания продовольствия подорожал и наем работных людей: «[В] прежних летех мочно было мастерскому человеку и с женою быти сыту днем алтынним [3 коп.] хлебом, а ныне [весной 1662 г.] мастерскому человеку саму другу надобно на 20 алтын» [Зерцалов, 1890, с. 260]. Это, во-первых, влекло за собой дальнейший рост цен (возникла инфляционная спираль), а во-вторых, грозило падением производства экспортных товаров, необходимых для пополнения казны серебром. Казна в этой ситуации предпочитала выдавать жалование и кормовые деньги медью, а подати и платежи требовала вносить серебром. Это окончательно подорвало покупательную способность меди.

В 1662 г. состоялся указ о скупке в казну на медные деньги некоторых товаров, пользующихся наибольшим спросом у иностранцев (поташа, смольчуга, пеньки, юфти, сала, мехов), и монопольной торговле ими с иностранцами за золотые и

ефимки [Зерцалов, 1890, с. 257–258]. Этой паллиативной меры оказалось недостаточно, чтобы предотвратить Медный бунт лета 1662 г. За ним последовала отмена медного обращения, выкуп медных денег в казну по товарной цене и перевод всех накопившихся недоимок в серебро [ПСЗРИ, 1830, с. 578–580].

Соблазнительно объяснить растерянность купечества и финансовой бюрократии перед лицом «медного кризиса» 1660–1662 гг. их невежеством: они не знали, что от роста денежной массы растут цены, вот и довели дело до крайней дороговизны и народного возмущения. Проблема в том, что связь денежной массы и инфляции, несомненная для современной экономической науки, вовсе не сама собой разумеется. Ее потребовалось открыть и сформулировать в виде так называемой количественной теории денег Николаю Копернику, схоластам Саламанкской школы (главным образом Мартину де Аспилькуэте Наварро) и, вслед за ними, Жану Бодену – это заняло почти весь XVI в. [Volckart, 1997; Grice-Hutchinson, 1952; Bodin, 1997]. Толчком к открытию монетарных причин инфляции послужила «революция цен» – длительный период роста цен в Западной Европе, вызванного притоком серебра из Нового света [Hamilton, 1934]. Россия же ни в XVI, ни в XVII в. «революции цен» не знала, латинских трактатов о денежном обращении здесь не читали, так что несправедливо упрекать русских людей этого времени в незнании экономических законов. Тем более что и на Западе количественная теория денег получила широкое признание лишь в XVIII в., после обстоятельной ее разработки Дэвидом Юмом [Юм, 2012].

К. В. Базилевич, анализируя сказки 1660 и 1662 гг., в первую очередь стремился реконструировать интересы отдельных категорий купечества и продемонстрировать, как они пытались переложить издержки по выходу из кризиса друг на друга и на другие группы населения. Это позволило ему трактовать последующий Медный бунт как эпизод классовой борьбы [Базилевич, 1936, с. 46–58, 55–62].

Денежные эксперименты 1654–1663 гг. подробно исследованы как «пролог» Медного бунта [Базилевич, 1936; Буганов, 1964], как период нумизматических курьезов (первые русские медные деньги, первые рублевые монеты, «ефимки с признаком» и т. д.) [Спасский, 1960; Мельникова, 2005; Зверев, 2004], как эпизод в развитии финансовой системы допетровской России [Базилевич, 1936; Петрухинцев, 2014; Расков, 2008]. По замечанию С. В. Зверева, историографические ярлыки, закрепившиеся за этими событиями, – «денежная реформа 1654–1663 гг.» и «денежная реформа Алексея Михайловича» – не вполне корректны: это была не продуманная реформа, а ряд лихорадочных, в основном импровизированных, отчасти едва ли не спонтанных мер, призванных пополнить казну во время тяжелой войны [Зверев, 2004, с. 109].

Нет нужды вновь излагать замыслы и все перипетии денежной политики этого периода. Выскажем лишь одно общее соображение. Россия в середине XVII в., не располагая собственными серебряными рудниками, зависела от импорта денежного сырья, которое поступало почти исключительно из Западной Европы. Приток серебра не поспевал за ростом спроса на деньги. Причем главным источником этого спроса была казна, которой нужно было финансировать растущую армию.

Введение же медных денег давало возможность денежной эмиссии, ограниченной практически только производительностью денежных дворов. Таким образом, реформа была попыткой нарастить денежную массу «в обход» дефицита серебра.

Но как же современники, не вооруженные количественной теорией денег, объясняли стремительный рост цен, который сопровождал эксперименты 1654–1663 гг.? Обратимся к текстам сказок московских купцов 1660 и 1662 гг. Названные ими причины роста цен можно с известной долей условности систематизировать в пяти пунктах.

ПРИЧИНА ПЕРВАЯ – СОКРАЩЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Сказка от 17 октября 1660 г., в которой вовсе не упоминаются медные деньги, открывается перечнем вопросов, предложенных купцам. Некоторые формулировки наводят на мысль, что участникам совещания как бы подсказывали «правильные» ответы: «От того ли [выросли цены], что на Москве и в городах хлеба, и всякому съестному, и скоту многие закупщики [...] вязкою многую цену на все прибавливают? И буде изволит великий государь на кружечных дворах винную продажу отставить, и от того хлеб дешевле будет ли; а буде на кружечных дворах изволит великий государь, опроче вина, быть пиву и меду, и от того хлеба в цене не прибудет ли?» [СГГД, 1826, с. 69].

Купцы, дежурно сетуя на недороды, чуму и войну, вместе с тем признавали, что свою роль в росте цен сыграли и перекупщики. Кроме того, они обращали внимание на то, что «патриарши, и митрополичьи, и архиепископли, и боярские, и окольничих, и дворян московских, и монастырские крестьяне, и розных помещиков» зимой поставляли в Москву продовольствие по повышенным ценам [СГГД, 1826, с. 70]. Здесь, очевидно, речь идет о крупных хозяйствах, ориентированных на товарное производство.

Иными словами, одной из причин дороговизны купцы считали то, что продовольственное снабжение городов зависело от крупных поставщиков – как производителей, так и посредников, – которые могли себе позволить придерживать товар, дожидаясь благоприятной рыночной конъюнктуры.

В январской сказке 1662 г. чернослободцы жалуются на предпринимателей «от бояр, и от окольничих, и от дворян, и из дьяков, и из гостей, и из чернослободцев, и из дворцовых слобод», которые «завели будные заводы» (то есть поташные производства) и скупают на медные деньги экспортные товары. «[О]т тех будных заводов, – продолжают чернослободцы, – учинилось в его государевой державе великое оскудение воску, и меду, и всякому зверью, потом и хлебу, и всякому харчу, и одежды, и обуви» [Зерцалов, 1890, с. 251].

Привилегированное купечество (гости и торговые люди гостиный и суконной сотен) в сказке от 23 апреля 1662 г. негодовали, что «ныне всякими большими и лутчими промыслами и торгома владеют и промышляют духовный, и воинский, и судебный

чин, оставя и презрев всякое государственное правление». «[В]сякий не торговый чин, — говорится в документе, — обогатятся торговым промыслом и добыв деньги и всякие вещи, задерживают у себя, и с тех промыслов великого государя пошлины и всякие доходы пропадают, а торговый всякий человек, что больше распространяет своего промыслу, и от того его великого государя казне в пошлинах и во всяких податях чинится великая прибыль и в государстве всякими товары пополнение для того, что торговые люди со всех промыслов и с тех, которые ныне не за торговым чином, станут великому государю пошлины и всякие подати и доходы платить без тархонно» [Зерцалов, 1890, с. 259–260].

На середину XVII в. пришелся бум поташного промысла, который требовал масштабного выжигания лесов и вредил сельскому хозяйству. Поскольку создание будных заводов требовало значительной концентрации рабочей силы, этим занимались, опять же, преимущественно крупные землевладельцы [Забелин, 1871, ч. 2, с. 480–485; Петрикеев, 1967, с. 112–126].

На апрельских совещаниях торговые люди били царю челом, чтобы он оставил только за ними право на занятия торговлей и промыслами. Царь прислушался к некоторым их жалобам, но в этой просьбе отказал [Зерцалов, 1890, с. 272].

ПРИЧИНА ВТОРАЯ – КОНЦЕНТРАЦИЯ СПРОСА

С тем, что кружечные дворы способствовали росту цен, купцы тоже согласились [СГГД, 1826, с. 69]. В 1652 г. произошла так называемая кабацкая реформа. Она предполагала, в частности, перевод кружечных дворов по всей стране на централизованное снабжение хлебным вином. Приказы стали распределять огромные подряды на алкоголь, а винокурни, в свою очередь, стали скупать хлеб, повышая концентрацию спроса на него. Среди подрядчиков были, опять же, патриаршие и боярские крестьяне (в частности, из вотчин Ильи Милославского, царского тестя и главы целого ряда приказов).

С.Б. Веселовский полагал, что кабацкая реформа была сугубо «моралистической» [Веселовский, 2008]. Базилевич, со своей стороны, видел в ней попытку ограничить расход хлеба на производство алкоголя ради наращивания торговли, прежде всего экспортной, то есть, в конечном итоге, ради увеличения притока серебра в Россию [Базилевич, 1936, с. 6–7].

ПРИЧИНА ТРЕТЬЯ – МОНЕТИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РАСЧЕТОВ

В 1660 г. торговые люди сетовали: «А преж сего было великого государя хлебное жалованье ружным попам, и всем церковникам, и стрельцам, и государевым дворовым людям розных чинов; а ныне дают тем всем людям государево жалованье за хлеб деньгами, и те все люди на Москве и в городах стали хлебу купцы.

А преж сего из дворцовых сел и из волостей хлеб государев привозили к Москве на Житный дворец; а ныне с тех сел и с волостей емлют за хлеб оброчный деньгами» [СГГД, 1826, с. 70].

Монетизация жалованья была связана с тем, что количество получателей этого жалованья (в первую очередь солдат) неуклонно росло [Пенской, 2008, с. 167–170], и администрирование привычной системы натурального снабжения делалось крайне затруднительным. Перевод дворцовых крестьян на денежный оброк — логичный следующий шаг, продиктованный потребностью в наличности. Вместе с тем эти меры привели к тому, что предложение хлеба сократилось на оброк с дворцовых сел (этот хлеб, по-видимому, стали скупать посредники), а спрос вырос на служилых людей.

Примечательно, что в дальнейшем участники совещаний к этой теме не возвращались: надлежало выйти из кризиса, не покушаясь на систему обеспечения армии и бюрократии.

ПРИЧИНА ЧЕТВЕРТАЯ — НЕДОВЕРИЕ

Участники совещаний 1662 г. прямо заявляли: «А учинилась в Московском государстве, и во всех городах, и в уездах великая безмерная дороговль [...] от медных денег». Точнее, «от воровских от медных денег»: купцы видели проблему в деятельности «воров денежных мастеров», то есть фальшивомонетчиков, которые подорвали доверие населения к медным деньгам [Зерцалов, 1890, с. 249, 252].

Первые симптомы недоверия проявились в 1660–1661 гг. Известны сообщения с севера (из Тотьмы, Устюга, Усолья, Соли Вычегодской), что крестьяне отказываются продавать хлеб за медь, и из зоны боевых действий (из Невеля, Могилева, Быхова, Нежина, Переяславля), что мещане не принимают у московских служилых людей медные деньги, которыми те получали жалованье. В войсках доходило до бунтов [Базилевич, 1936, с. 25–42]. 17 марта 1663 г. челобитную («петицию») с жалобами на дешевизну медных денег подала царю группа иностранных наемных офицеров, в том числе Патрик Гордон [Гордон, 2003, с. 127–128].

По замечанию Д.Е. Раскова, доверие к медным деньгам было подорвано действиями не столько фальшивомонетчиков, сколько самой власти. Настаивая, чтобы население принимало серебро и медь без различия, сама она требовала, чтобы налоги и казенные платежи вносились только серебром. Кроме того, власть предписывала торговать с иностранцами только в серебре и запрещала обращение медных денег в Сибири, чтобы не допустить скупки мехов. Всё это свидетельствовало, что на деле власть считает медные деньги неполноценными [Расков, 2008, с. 71–72].

Как бы там ни было, главными виновниками «медного кризиса» в конце концов были «назначены» именно «денежные воры». Об этом прямо сказано, в частности,

в одной царской грамоте от 1663 г., уже после официального изъятия из обращения медных денег [ПСЗРИ, 1830, с. 580]. Котошихин писал о пытках и казнях многих денежных мастеров и других ремесленников, связанных с обработкой металлов и заподозренных в фальшивомонетничестве, а также о том, что воеводы и приказные люди, вплоть до боярина Ильи Милославского, покровительствовали «денежным ворам» за взятки [Котошихин, 2000, с. 124].

ПРИЧИНА ПЯТАЯ – СПЕКУЛЯЦИИ

Следствием падения курса медных денег стало стремительное исчезновение из обращения серебра, о чем прямо сообщал, в частности, тот же Котошихин [Котошихин, 2000, с. 128]. Сработал так называемый закон Грешэма: «Лучшие деньги вытесняются из обращения худшими». Под «лучшими» здесь подразумеваются деньги, пользующиеся сравнительно большим доверием населения. В ситуации 1654–1663 гг. это, конечно, старые серебряные копейки, а новые медные, соответственно, «худшие». При их параллельном хождении покупатель оказался заинтересован в том, чтобы расплачиваться медью, а серебро сберегать. Продавец, напротив, предпочитал, чтобы с ним расплачивались серебром, а медь если и принимал, то с дисконтом. «Лучшие» (недооцененные) деньги оседали в кладях или утекали за границу, где ценились выше [Mundell, 1998].

На январском совещании 1662 г. торговые люди черных слобод рассказывали, что греческие купцы, прибывая в Московское государство через Украину, уже в черкасских городах обменивают свои золотые и серебряные монеты на русские медные деньги и с ними едут в Москву и даже в поморские города. Там они, пользуясь своими торговыми привилегиями, скупают на медь меха и русские серебряные деньги и вывозят их из страны. Тем же промышляют путивляне и рыляне. Слова чернослободцев о грехах подтвердили кадашевцы (сказка от 5 февраля) [Зерцалов, 1890, с. 249, 252].

Следует прояснить выгоду вывоза из России серебра, прежде всего старых русских денег.

Серебро для чеканки копеек получали плавкой привозного серебра, прежде всего талеров. Плавили на костяном угле. Такая технология отгоняла почти все примеси. Угар (потери в весе при плавке) в высокопробных талерах составлял 6–8%, а в низкопробных достигал 20–25%. В результате копеечное серебро оказывалось существенно чище талерного [Спасский, 1960, с. 117–118]. Это давало основания для завышения курса рубля: высокопробные талеры («ефимочной» пробы ~ 854) казна покупала по 49–50 коп., а русских денег из каждого талера выходило на 64 коп.

В землях Речи Посполитой, смежных с Московским государством, в середине XVII в. курс русской серебряной копейки составлял 1,8–2 польских гроша. Кроме того, там свободно ходили талеры. Их курс составлял 90 грошей [Кобринец, 2015].

Скажем, привезенные из России 100 руб. копейками (до 4,5 кг серебра) на Украине можно было обратить в 18 тыс. грошей, а затем в 200 талеров (в пересчете по ефимочной пробе — без малого 5 кг чистого серебра).

По-видимому, подобными спекуляциями и промышляли греческие купцы, а также купцы из приграничных Путивля и Рыльска. Косвенным подтверждением того, что такие операции имели место, причем с немалым размахом, может служить тот факт, что к середине 1660-х гг. курс копейки на Украине и в Белоруссии упал до 1,5 гроша. При таком курсе копейка сравнялась по цене с чехом (полтораком) — биллонной монетой в 1,5 гроша, самой распространенной ходячей монетой на Украине. Чех весил ~ 1 г и содержал ~ 0,33 г серебра, тогда как копейка содержала ~ 0,45 г. Таким образом, серебро на Украине оказалось примерно на треть дороже, чем в Москве, и стимул вывозить его из России сохранился.

* * *

Обсуждая причины роста цен, московские купцы вольно или невольно высказали свои представления о принципах функционирования экономики вообще и денег в частности, а также о правильной организации общества и своем месте в нем. Примечательно, что после самого первого совещания они уже не возвращались к вопросу о переводе служилых людей на денежное жалованье и дворцовых сел на денежный оброк: это составляло прерогативу царя, и им надлежало найти выход из сложившейся ситуации, не посягая на нее. За собой же они чувствовали исключительное право на занятия торговлей и промыслами.

Московские бунтовщики 1662 г., помимо всего прочего, требовали крови Ильи Милославского, Федора Ртищева, Богдана Хитрово и других царских приближенных. Их «измена» состояла в том, что они подавали царю плохие советы и тем самым вредили его интересам и интересам народа. Речь шла не столько о росте цен, сколько о нарушении должного порядка вещей.

Экономические знания и воззрения московских купцов, а равно представителей власти были сугубо практическими. Тем любопытнее сопоставить их с теоретическими построениями Юрия Крижанича, который в своей «Политике», написанной в тобольской ссылке вскоре после «медного кризиса», смотрел на русскую экономику с позиции человека, знакомого с западной интеллектуальной традицией.

Крижанич опознал в реформах 1654–1663 гг. порчу денег, то есть понижение их товарной цены относительно номинальной в фискальных целях. Он (возможно, вслед за Оремом) называл такой способ умножения казны дурным, наряду с алхимией, неумеренными поборами и допущением чужеземных торговцев на внутренний рынок. Впрочем, Крижанич делал характерную оговорку, которая, по-видимому, должна была оправдать царя: к порче денег прибегать можно, но лишь в крайней

нужде и на ограниченное время [Крижанич, 1997, с. 28]. Политическую власть царя над деньгами, то есть его *право* на порчу денег, он в принципе признавал.

Крижанич настаивал, что «перекупщиков зерна и тех, кто набивает цену на хлеб, надо наказывать без всякой пощады. [...] Всех прасолов отнести в одно число с бездельниками и ярыжниками. И не разрешать держать лавки или вести иную торговлю никому, кто не находится на какой-нибудь службе, или не знает полезного и нужного ремесла, или не возит товары из города в город» [Крижанич, 1997, с. 49–50]. Купец для Крижанича – не просто спекулянт, а тот, кто исполняет важную общественную функцию: перевозит товары из мест, где они в изобилии, туда, где их недостает. Московские торговые люди, старательно отделяющие себя от перекупщиков, здесь вновь явно сходятся с Крижаничем – и, тем самым, с Фомой Аквинским.

В «Политике» содержится проект денежной системы, предполагающий введение золотого рубля, серебряной полтины и большого разнообразия серебряных, медных и биллонных монет [Крижанич, 1997, с. 357–358]. Крижанич предлагал, среди прочего, ввести медную монету весом в один золотник без номинала с тем, чтобы стоимость монеты колебалась вместе с рыночной ценой меди. Более того, монеты, изготавливаемые из сплава серебра и меди (соотношение 1 : 1), должны были весить столько, чтобы их номинал всегда соответствовал их товарной цене. Поскольку система Крижанича предполагала плавающую цену меди, на практике это означало бы постоянное изменение весовой нормы биллонных монет. Это далеко не единственная причина, по которой проект был практически не осуществим. Однако следует отметить, что он признавал наличие внутренней ценности даже у медных денег и, по-видимому, не считал возможным дать им платежную силу лишь царским указом или простой гарантией обмена на серебро.

Это позволяет утверждать, что Крижанич был строгим приверженцем металлической теории денег (реализма): он полагал, что покупательная способность денег определяется их товарной ценой. Деньги при таком подходе могут быть плохи или хороши сами по себе – ни их количество в обращении, ни авторитет эмитента на их платежную силу не влияют. Поэтому деструктивная роль государства, идущего на порчу денег, заключается в том, что оно уменьшает покупательную способность денег (это центральный тезис Орема).

Иной подход продемонстрировал в 1657 г., еще до начала «медного кризиса», казачий полковник Мартын Пушкарь в известном споре с гетманом Иваном Выговским, приводимом С.М. Соловьевым. Выговский выразил недовольство медными деньгами, присланными московским государем для уплаты жалованья. Пушкарь отозвался: «Хотя бы великий государь изволил нарезать бумажных денег и прислать, а на них будет великого государя имя, то я рад его государево жалованье принимать» [Соловьев, 1991, с. 16]. Тем самым полковник декларировал свою приверженность номинализму – убеждению, что платежную силу деньгам дает авторитет их эмитента.

Московским торговым людям, насколько можно судить по сказкам 1660 и 1662 гг., был чужд строгий реализм Крижанича. Они отдавали предпочтение серебряным деньгам, однако готовы были, как и Пушкарь, признать платежную силу медных денег. Но лишь постольку, поскольку они исходили от государя и были подкреплены его авторитетом. «Воровские» деньги были не просто фальшивыми — они были изменническими: их изготовление было покушением на исключительные царские права, то есть, опять же, на естественный порядок социальных и экономических отношений.

Важной составляющей этого порядка было непрерывное обращение «денег и всяких вещей»: купец, перемещая товары из мест изобилия в места нехватки, способствует достижению общего блага и тем заслуживает свою награду — прибыль; ее купец пускает в оборот к еще большей общей пользе, а также платит налоги — опять же, генерирует общее благо. Экономические тяготы — в частности, рост цен — происходят от нарушения этого принципа вечного движения. Скопидомство бояр, духовенства и дьяков, а также действия валютных спекулянтов приводят к изъятию денег из обращения. «Вязка» (скупка хлеба посредниками) задерживает естественное движение товара от производителя к потребителю и потому греховна.

Таким образом, в середине—второй половине XVII в. экономические знания московского купечества, равно как и приказных людей, в принципе, не отставали от западноевропейского мейнстрима. Они легко нашли бы общий язык не только с Фомой Аквинским, но и с западными экономическими мыслителями XVIII в. — Франсуа Кёне и Адамом Смитом. Им недоставало разве что теоретического обобщения. Таковым могла бы стать книга Крижанича, но она осталась неизвестной современникам.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Т. 4. № 144 (ААЭ). СПб.: Тип. II Отд. собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. С. 192–193.

Алмазов А.С. Русско-украинские отношения в финансовой сфере в период гетманства Ивана Самойловича (1672–1687) // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. № 13 (84). Т. 15. 2010. С. 117–122.

Базилевич К.В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 году. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1936. 119 с.

Брикнер А.Г. Медные деньги в России: 1656–1663. Денежные знаки в Швеции: 1716–1719. СПб.: Тип. А. Якобсона, 1864. 133 с.

Буганов В.И. Московское восстание 1662 г. М.: Наука, 1964. 139 с.

Веселовский С.Б. Кабацкая реформа 1652 года // Московское государство: XV–XVII вв. Из научного наследия. М.: АИРО–XXI, 2008. С. 336–351.

Веселовский С.Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М.: Изд. Имп. о-ва ист. и древност. рос. при Моск. у-те, 1908. 236 с.

Гордон П. Дневник: 1659–1667 / пер. Д.Г. Федосова. М.: Наука, 2003. 320 с.

Забелин И.Е. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве. XVII век // Вестник Европы. 1871. Кн. 1–2. 2 т.

Зверев С.В. К истории денежных реформ 1654–1663 гг. // Патриарх Никон и его время: сб. научных трудов / отв. ред. и сост. Е.М. Юхименко. Труды ГИМ. Вып. 139. М.: ГИМ, 2004. С. 108–143.

Зверев С.В. Региональные денежные реформы на юго-западе Русского государства в 1677 и 1683–1686 гг. // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 3 (24). С. 59–67.

Зерцалов А.Н. О мятежах в городе Москве и в селе Коломенском в 1648, 1662 и 1771 гг. // Чтения в Обществе истории и древностей российских (ЧОИДР). 1890. Кн. 3. С. 248–269 (2-я паг.).

Кобринец В.А. О курсах обмена русской копейки на рынках Беларуси во второй половине XVII века // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. 2015. № 9. С. 156–161.

Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича / подг. публикации Г.А. Леонтьевой. М.: РОССПЭН, 2000. 260 с.

Крижанич Ю. Политика / пер. и ком. А. Л. Гольдберга. М.: Новый свет, 1997. 527 с.

Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого: история русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М.: Финансы и статистика, 1989. 318 с.

Мельникова А.С. Некоторые аспекты изучения денежной реформы 1654–1663 гг. (реформы Алексея Михайловича) // Очерки по истории русского денежного обращения XVI–XVII веков. М.: Стрелец, 2005. С. 307–314.

Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1905. 695 с.

Пенской В.В. От лука к мушкету. Вооруженные силы Российского государства во 2-й половине XV–XVII вв. Белгород: Изд. БелГУ, 2008. 256 с.

Петрикеев Д.И. Крупное крепостное хозяйство XVII в. Л.: Наука, 1967. 227 с.

Петрухинцев Н.Н. «Финансы войны» и офицерский корпус полков «нового строя» в военной реформе Алексея Михайловича (1663) // Quaestio Rossica. 2014. № 2. С. 263–292.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т 1 (ПСЗРИ). СПб.: Тип. II Отд. собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. 1042 с.

Расков Д.Е. Денежная реформа Алексея Михайловича и проблема доверия // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 2008. Вып. 3. С. 69–80.

Рябцевич В.Н. Российско-«польские» монетные эмиссии эпохи Петра I. Тольятти: АвтоВАЗбанк; Современник, 1995. 312 с.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 11 // Соч. в 18 кн. Кн. 6. М.: Мысль, 1991. 671 с.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (ССГД). Ч. 4. М.: Тип. Н.С. Всеволожского, 1826. 678 с.

Спаский И.Г. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654–1663 гг. // Археографический ежегодник за 1959 года / под ред. М.Н. Тихомирова. М.: Изд. АН СССР, 1960. С. 103–156.

Юм Д. Опыты: о торговле, деньгах, проценте, налогах / пер. с англ. М.О. Гершензона. М.: URSS, 2012. XXVII, 119 с.

Bodin J. Response to the Paradoxes of Malestroit / trans. and ed. by H. Tudor and R.W. Dyson. Bristol, England ; Dulles, Va. : Thoemmes Press, 1997. 177 p.

Grice-Hutchinson M. The School of Salamanca. Oxford : Oxford University Press, 1952. 135 p.

Hamilton E.J. American Treasure and the Price Revolution in Spain, 1501–1650. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1934. 440 p.

Mundell R. Uses and Abuses of Gresham's Law in the History of Money // Zagreb Journal of Economics. 1998. Vol. 2. Pp. 2–32.

Volckart O. Early Beginnings of the Quantity Theory of Money and Their Context in Polish and Prussian Monetary Policies, c. 1520–1550 // Economic History Review. 1997. Vol. 50 (3). Pp. 430–449

The *De moneta* of Nicholas Oresme and English Mint Documents / trans. by C. Johnson. London: Thomas Nelson and Sons Ltd, 1956. 114 p.

REFERENCES

Akty, sobrannyye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiiskoi imperii Arkheograficheskoi ekspeditsieiu Imperatorskoi Akademii nauk [Acts collected in the libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences]. Т. 4. № 144 (AAE). SPb.: Tip. II Otd. sobstvennoi E. I. V. kantseliarii, 1836. Pp. 192–193 (in Russian).

Almazov A.S. Russko-ukrainskie otnosheniia v finansovoi sfere v period getmanstva Ivana Samoilovicha (1672–1687) [Russian-Ukrainian relations in the financial sector during the period of hetmanism of Ivan Samoilovich (1672–1687)], in *Nauchnye vedomosti BelGU. Serii: Istoriia. Politologiya*. № 13 (84). Т. 15. 2010. Pp. 117–122 (in Russian).

Bazilevich K.V. *Denezhnaia reforma Alekseia Mikhailovicha i vosstanie v Moskve v 1662 godu* [Monetary reform of Alexei Mikhailovich and the uprising in Moscow in 1662]. М.–Л.: Izd. AN SSSR, 1936. 119 p. (in Russian).

Brikner A.G. *Mednye den'gi v Rossii: 1656–1663. Denezhnye znaki v Shvetsii: 1716–1719* [Copper money in Russia: 1656–1663. Banknotes in Sweden: 1716–1719]. SPb.: Tip. A. Iakobsona, 1864. 133 p. (in Russian).

Buganov V.I. *Moskovskoe vosstanie 1662 g.* [Moscow Uprising of 1662]. M.: Nauka, 1964. 139 p. (in Russian).

Veselovskii S.B. Kabatskaia reforma 1652 goda [Kaback reform of 1652], in *Moskovskoe gosudarstvo: XV–XVII vv. Iz nauchnogo naslediiia* [Moscow State: XV–XVII centuries. From the scientific heritage]. M.: AIRO–XXI, 2008. Pp. 336–351 (in Russian).

Veselovskii S.B. *Sem' sborov zaprosnykh i piatinnnykh deneg v pervye gody tsarstvovaniia Mikhaila Fedorovicha* [Seven fees of request and five-day money in the first years of the reign of Mikhail Fedorovich]. M.: Izd. Imp. o-va ist. i drevnost. ros. pri Mosk. u-te, 1908. 236 p. (in Russian).

Gordon P. *Dnevnik: 1659–1667* [Diary: 1659–1667] / per. D.G. Fedosova. M.: Nauka, 2003. 320 p. (in Russian).

Zabelin I.E. Bol'shoi boiarin v svoem votchinnom khoziaistve. XVII vek [Big boyar in his estate. XVII century], in *Vestnik Evropy*. 1871. Kn. 1–2. 2 t. (in Russian).

Zverev S.V. K istorii denezhnykh reform 1654–1663 gg. [On the history of monetary reforms 1654–1663], in *Patriarkh Nikon i ego vremia: sb. nauchnykh trudov* [Patriarch Nikon and his time: Sat. scientific papers] / otv. red. i sost. E.M. Iukhimenko. Trudy GIM. Vyp. 139. M.: GIM, 2004. Pp. 108–143 (in Russian).

Zverev S.V. Regional'nye denezhnye reformy na iugo-zapade Russkogo gosudarstva v 1677 i 1683–1686 gg. [Regional monetary reforms in the south-west of the Russian state in 1677 and 1683–1686], in *Vestnik RGGU. Serii: Istoriiia. Filologiiia. Kul'turologiiia. Vostokovedenie*. 2017. № 3 (24). Pp. 59–67 (in Russian).

Zertsalov A.N. O miatezhakh v gorode Moskve i v sele Kolomenskom v 1648, 1662 i 1771 gg. [About the rebellions in the city of Moscow and in the village of Kolomenskoye in 1648, 1662 and 1771], in *Chteniiia v Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh (ChO IDR)* [Readings in the Society of Russian History and Antiquities (CHO IDR)]. 1890. Kn. 3. Pp. 248–269 (2-ia pag.) (in Russian).

Kobrinets V.A. O kursakh obmena russkoi kopeiki na rynkakh Belarusi vo vtoroi polovine XVII veka [About exchange rates of the Russian penny on the markets of Belarus in the second half of the 17th century], in *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriiia A: Gumanitarnye nauki*. 2015. № 9. Pp. 156–161 (in Russian).

Kotoshikhin G.K. *O Rossii v tsarstvovanie Alekseia Mikhailovicha* [About Russia in the reign of Alexei Mikhailovich] / podg. publikatsii G.A. Leont'evoi. M.: ROSSPEN, 2000. 260 p. (in Russian).

Krizhanich Iu. *Politika* [Politics] / per. i kom. A.L. Gol'dberga. M.: Novyi svet, 1997. 527 p. (in Russian).

Mel'nikova A.S. *Russkie monety ot Ivana Groznogo do Petra Pervogo: istoriia russkoi denezhnoi sistemy s 1533 po 1682 god* [Russian coins from Ivan the Terrible to Peter the Great: the history of the Russian monetary system from 1533 to 1682]. M.: Finansy i statistika, 1989. 318 p. (in Russian).

Mel'nikova A.S. Nekotorye aspekty izucheniiia denezhnoi reformy 1654–1663 g. (reformy Alekseia Mikhailovicha) [Some aspects of the study of monetary reform in 1654–1663

(reforms of Aleksei Mikhailovich)], in *Ocherki po istorii russkogo denezhnogo obrashcheniia XVI–XVII vekov* [Essays on the history of Russian monetary circulation of the 16th–17th centuries]. M.: Strelets, 2005. Pp. 307–314 (in Russian).

Miliukov P.N. *Gosudarstvennoe khoziaistvo Rossii v pervoi chetverti XVIII stoletia i reforma Petra Velikogo* [The state economy of Russia in the first quarter of the XVIII century and the reform of Peter the Great]. SPb.: Tip. M.M. Stasiulevicha, 1905. 695 p. (in Russian).

Penskoi V.V. *Ot luka k mushketu. Vooruzhennye sily Rossiiskogo gosudarstva vo 2-i polovine XV–XVII vv.* [From the bow to the musket. Armed forces of the Russian state in the 2nd half of the 15th–17th centuries] Belgorod: Izd. BelGU, 2008. 256 p. (in Russian).

Petrikeev D.I. *Krupnoe krepostnoe khoziaistvo XVII v.* [Large serf economy of the XVII century] L.: Nauka, 1967. 227 p. (in Russian).

Petrukhintsev N.N. "Finansy voiny" i ofiterskii korpus polkov "novogo stroia" v voennoi reforme Alekseia Mikhailovicha (1663) ["Finances of war" and the officer corps of regiments of the "new system" in the military reform of Aleksei Mikhailovich (1663)], in *Quaestio Rossica*. 2014. № 2. Pp. 263–292 (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 1. T 1 (PSZRI) [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1. T 1 (PSZRI)]. SPb.: Tip. II Otd. sobstvennoi E. I. V. kantseliarii, 1830. 1042 p. (in Russian).

Raskov D.E. Denezhnaia reforma Alekseia Mikhailovicha i problema doveriia [Monetary reform of Alexei Mikhailovich and the problem of trust], in *Vestnik SPbGU*. Ser. 5. 2008. Vyp. 3. Pp. 69–80 (in Russian).

Riabtsevich V.N. *Rossiisko-"pol'skie" monetnye emissii epokhi Petra I* [Russian-"Polish" coin issues of the era of Peter I]. Tol'iatti: AvtoVAZbank; Sovremennik, 1995. 312 p. (in Russian).

Solov'ev S.M. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen* [History of Russia since ancient times]. T. 11, in *Soch. v 18 kn. Kn. 6*. [Works in 18 books. Book 6] M.: Mysl', 1991. 671 p. (in Russian).

Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khraniashchikhsia v Gosudarstvennoi kolegii inostrannykh del (SSGD) [A collection of government letters and treaties held by the State Collegium of Foreign Affairs (SSGD)]. Ch. 4. M.: Tip. N.S. Vsevolozhskogo, 1826. 678 p. (in Russian).

Spasskii I.G. Denezhnoe khoziaistvo Russkogo gosudarstva v seredine XVII v. i reformy 1654–1663 gg. [Monetary economy of the Russian state in the middle of the XVII century. and reforms of 1654–1663], in *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1959 goda* [Archaeographic Yearbook for 1959] / pod red. M.N. Tikhomirova. M.: Izd. AN SSSR, 1960. Pp. 103–156 (in Russian).

Ium D. *Opyty: o torgovle, den'gakh, protsente, nalogakh* [Experiments: on trade, money, interest, taxes] / per. s angl. M.O. Gershenzona. M.: URSS, 2012. XXVII, 119 p. (in Russian).

Bodin J. *Response to the Paradoxes of Malestroit* / trans. and ed. by H. Tudor and R.W. Dyson. Bristol, England ; Dulles, Va.: Thoemmes Press, 1997. 177 p.

Grice-Hutchinson M. *The School of Salamanca*. Oxford: Oxford University Press, 1952. 135 p.

Hamilton E.J. *American Treasure and the Price Revolution in Spain, 1501–1650*. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1934. 440 p.

Mundell R. Uses and Abuses of Gresham's Law in the History of Money? in *Zagreb Journal of Economics*. 1998. Vol. 2. Pp. 2–32.

Volckart O. Early Beginnings of the Quantity Theory of Money and Their Context in Polish and Prussian Monetary Policies, c. 1520–1550 // *Economic History Review*. 1997. Vol. 50 (3). Pp. 430–449

The De moneta of Nicholas Oresme and English Mint Documents / trans. by C. Johnson. London : Thomas Nelson and Sons Ltd, 1956. 114 p.